

Основан новый международный научный журнал Русский язык в научном освещении Журнал основан в январе 2001 года Институтом русского языка им В В Виноградова Журнал выходит два раза в год в издательстве Языки славянской культуры В заглавии журнала воплотился замысел его создателей соединить идеи и методы традиционной русистики с достижениями современных теорий Кстати Русский синтаксис в научном освещении А М Пешковского, намек на который читается в названии нового журнала, только что переиздан тем же издательством

В первом номере журнала представлены статьи современных русистов и теоретиков языка по лексикографии, грамматике, фонологии, диалектологии, истории русского языка и судьбам русского языка в условиях нерусского окружения Кроме собственно научных статей, в журнале представлены рецензии (на книгу М В Панова о русской морфологии и на сборник статей под редакцией М Миллз о гендерной проблематике в славянских языках) Хроникальные материалы опубликованные в первом томе нового журнала, включают отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка за 2000 год информацию об издании материалов из архива С И Карцевского, обзор докладов XV съезда скандинавских славистов в Тромсе (Норвегия), хронику отдела грамматики и лексикологии Института русского языка с 1944 по 2000 год, информацию о работе отделов современного русского языка и отдела этимологии и ономастики Института русского языка, воспоминания о двадцатипятилетней работе по публикации Этимологического словаря славянских языков

Журнал открывает статья Ю Д Апресяна Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке' Одна из задач, поставленных автором, – семантический анализ слов знания и мнения в русском языке Другая – метаязык автора – введение понятия системообразующего смысла Анализ слов знания и мнения служит для иллюстрации

нового понятия и обосновывает целесообразность его введения в лингвистический обиход Автор считает, что удельный вес смыслов в концептуальной системе языка неодинаков Одни смыслы – береза', 'пирамида' – выражаются фактически только одним словом, а другие – например 'причина' – целым множеством слов, как полнозначных, так и служебных *основание, резон, приводит к, вынуждает, влечь, потому что, из-за, благодаря* Автор утверждает, что способов выражения некоторого смысла тем больше, чем важнее он для данного языка Наиболее существенные смыслы образуют базовый семантический каркас языка Такое множество смыслов и предлагается называть системообразующим К системообразующим смыслам относятся 'знать' и 'считать' Смыслы *знать* и 'считать' выражаются не только лексически но также входят в значения языковых единиц разной природы – лексических, синтаксических, словообразовательных и морфологических

Автор рассматривает слова *знать* и *считать* как семантические примитивы При этом слово *считать* практически однозначно, а из подзначений слов *знать* и *знание* для рассмотрения выделяется значение пропозиционального знания Пропозициональное знание – это информация о том, что имело или имеет место в действительности, или утверждение о факте Соответственно, мнение – это суждение о возможном положении дел Знание, как известно, фактивно, т е основано на презумпции истинности подчиненной пропозиции истинность подчиненной пропозиции сохраняется и при отрицании Так, в предложениях *Он знал, что друзья его предали* и *Он не знал, что друзья его предали* одинаково предполагается факт предательства друзей Соответственно, в предложениях *Он считал, что друзья его предали* и *Он не считал, что друзья его предали* не содержится никакой информации об истинности суждения о предательстве друзей Автор полагает, что различие между утверждением

о фактах и суждением о возможности обуславливает все другие семантические свойства фактивов (слов знания) и путативов (слов мнения)". Перечислим кратко основные семантические свойства знания. Знание единственно и не соотносится с идеей выбора. Мнение же предполагает возможную множественность оценок (*разные мнения, другого мнения, считать иначе*). Мнение имеет конкретного носителя, т.е. оно персонифицировано. Знание же не имеет авторства. Мнение формируется актом воли (*изменить мнение, отказаться от мнения*). Знание не формируется, а приходит из внешнего источника (*знать/узнать от*). Прототипическое знание представляется как движущееся из внешнего мира к субъекту (*его осенило/озарило, до него дошло*). Мнения же, скорее, склонны к распространению от субъекта в окружающий мир (*обменялись мнениями, высказать/выразить мнение*). Для знания требуется хранилище: это память. Мнения же локализируются не в памяти, а в уме. Автор рассматривает классы единиц, в состав которых входят смыслы 'знать' и 'считать'. Для иллюстрации вхождения смыслов 'знать' и 'считать' в значения лексических единиц приводятся многочисленные примеры. Вот некоторые из них. "Человек А ищет/разыскивает вещь В, если он не знает, где она находится. Память Х-а – это мыслимая как полный объект часть сознания Х-а, предназначенная для долговременного хранения того, что человек знает... Мы убеждаем человека в чем-то, когда хотим, чтобы он считал то же, что думаем мы сами". Приводится минимальная пара синонимов, чьи толкования отличаются только вхождением семантических компонентов 'знать' и 'считать': в паре *советовать* – *рекомендовать* *советовать* "содержит указание на мнение субъекта о том, как адресату лучше всего поступить в рассматриваемой ситуации", а *рекомендовать* – на его знание, что следует делать: *советую поспать после обеда; врачи рекомендовали ему сократить рабочий день до трех часов*. Далее следует исчерпывающее перечисление особых морфологических, синтаксических, сочетаемостных, коммуникативных и просодических свойств ряда *знать* и *считать*. Эти особенности автор – несколько неожиданно – называет рефлексам. Интересная морфологическая особенность глагола *рекомендовать* с встроенным компонентом знания заключается в его способности образовывать страдательную форму с устранимым субъектом: *При малейшей неисправности рекомендуется отключать электроприборы*. При этом у *советовать* со встроенным компонентом мнения страдательная форма

отсутствует. Это различие объясняется тем, что знание в отличие от мнения деперсонифицировано и поэтому легко отчуждается от своего носителя. Автор показывает, что путативные глаголы за исключением контекста контраста (пример контраста – *не знаю точно, а только так ДУМАЮ*¹) не служат акцентоносителями ремы или носителями вопросительного акцента *да-нет-вопроса*: *Я СЧИТАЛ, что он приезжает во вторник; *Ты ДУМАЕШЬ, что он приезжает во вторник?² Синтаксические особенности слов

¹ Словоформы-акцентоносители мы здесь обозначили прописными буквами.

² Обсуждение коммуникативной и просодической структуры предложений с фактивными и нефактивными глаголами содержится в работах [Зализняк Анна 1988; Крейдлин 1983; Падучева 1977; Шатуновский 1988]. В частности, важный вывод о различии семантических и прагматических презумпций фактивных глаголов и связанных с этим акцентных различиях содержится в работе Е.В. Падучевой [Падучева 1977: 102, 118–120]. Глаголы знания и мнения – это редкий пример того, что уникальные коммуникативные и просодические свойства слов могут непосредственно выводиться из их семантики. Эти свойства заслуживают, быть может, и более подробного обсуждения, чем то, которое приводится в статье Ю.Д. Апресяна. Поэтому добавим, что у ментальных глаголов содержание мысли может пониматься как принадлежащее действительному миру, как у глагола *знать*, либо сознанию человека, как у глагола *думать*. Если оно принадлежит действительному миру, т.е. мыслится как объективное, соответствующий актант имеет тенденцию интерпретироваться как известное и, соответственно, служит тогда компонентом темы. Если при этом подлежащее тоже известное или активированное в предыдущем дискурсе, то глагол – рема предложения. Это объясняет то, что часто бывает ремой глагол *знать*. Если же актант обозначает объект субъективной природы, принадлежащий только сознанию и скрытый тем самым от чужих глаз, этот актант соотносится с неизвестной информацией и представляет собой рему. Это объясняет то, что не бывает ремой глагол *думать*: он служит либо компонентом ремы, но не собственно ремой (т.е. не акцентоносителем ремы), либо компонентом темы. Между тем глаголы мнения не только не могут быть ремой, но они также не могут быть и акцентоносителем так называемой верификативной ремы, отражающей истинностную оценку положения дел, соотносящегося с предложением в целом. Незнестность

знания и мнения также выводятся из их семантики. Так, для мнения, неотделимого от своего субъекта, при существительном мнении типичный способ выражения субъекта – родительный падеж: мнение автора, что *P*. Для знания же, которое легко автономизируется от своего хозяина, такой способ выражения субъекта нехарактерен: *Знание автора, что P*. Далее, для глагола *знать* характерна валентность внешнего источника, которая выражается именной группой с предлогами из (*знаю из газет*), от (*от друзей*). У глагола *думать* такой валентности нет: **Откуда ты так считаешь?* В качестве примера сочетаемостных различий знания и мнения приведем следующее наблюдение автора. "Семантические особенности концепта мнения проявляются ... в сочетаемости путативных глаголов с модальными предикатами со значением возможности (*можно*), готовности (*склонен, готов*) и долженствования (*надо, заставлять, вынуждать*), а также с фазовыми глаголами со значением начала и продолжения. Ср. *Можно подумать, что вы впервые об этом слышите; ... Это заставляет меня усомниться в его искренности; Я начинаю думать, что он не так прост, как кажется*. Глагол *знать* с перечисленными типами предикатов не сочетается, так как знание, в отличие от мнения, единственно и неизменно". Подход Ю.Д. Апресяна к анализу единиц словаря характеризуется тем, что автор не только с доскональной точностью

фиксирует уникальные свойства слов, но и дает этим свойствам естественное семантическое объяснение.

Статья И.М. Богуславского "Модальность, сравнительность и отрицание" – наиболее "трудная" статья в рецензируемом сборнике. Автор ставит перед собой сложную задачу, которая требует разработки изощренного метаязыка описания. Статья И.М. Богуславского – пример решения весьма частной задачи, требующей теоретических подходов, которые впоследствии могут применяться к существенно более широкому языковому материалу, чем предполагалось при первоначальной постановке задачи.

Автор анализирует предложение (1) *Вертолет летел ниже, чем может лететь самолет*. Это предложение имеет два подзначения: (а) 'Вертолет летел ниже, чем максимальная высота, на которой может лететь самолет' и (б) 'Вертолет летел ниже, чем минимальная высота, на которой может лететь самолет'. Подобная многозначность возникает в контексте сравнительной конструкции и модального слова со значением возможности. Ранее в лингвистической литературе предполагалось, что различие между двумя подзначениями легко описывается в терминах максимальной vs. минимальной интерпретации рассматриваемого предложения. Однако автор убедительно показывает, что, скорее, имеет смысл различать так называемую интервальную интерпретацию параметрических выражений и предельную. В подзначении (а) 'Вертолет летел ниже максимальной высоты, на которой может лететь самолет' представлена интервальная интерпретация. Действительно, существует некоторая высота, выше которой не может подняться самолет, и вертолет летит на одной из высот, которые меньше этой высоты. Самолет в принципе летает на тех же высотах, на одной из которых в данном случае летел вертолет, т.е. интервалы полета самолета и вертолета пересекаются. В подзначении же (б) 'Вертолет летел ниже минимальной высоты, на которой может лететь самолет' представлена предельная интерпретация: существует некая минимальная высота, ниже которой не может спускаться самолет, и высота полета вертолета сравнивается с этим минимумом. Здесь самолет и вертолет летят на разных высотах: при этом полет вертолета сравнивается с минимумом высоты полета самолета.

При интервальном понимании имеет место сравнение значения некоторого параметра (например высоты полета) при текущем положении дел (полета вертолета) с интервалом значений такого же параметра при некотором основании сравнения (полете самолета), т.е.

дополнения глаголов мнения, а соответственно, и всего предложения с глаголом *думать* вытекает из непредсказуемости мысли: о содержании субъективных мнений обычно не говорят в предположительном плане. Соответственно, объект истинностной оценки фактически отсутствует. Это объясняет неспособность глаголов мнения образовывать полный (верификативный) *да-нет-вопрос* и соединяться со значением верификации в повествовательном предложении. Неспособность глаголов путативного ряда быть ремой, акцентоносителем верификативной ремы и акцентоносителем *да-нет-вопроса* объясняет их "безударность". Далее, у глагола *знать* есть одна действительно уникальная коммуникативная особенность. Его пропозициональное дополнение несовместимо с контрастом: **Он знает, что P (а не что Q)*; **Он знает, что P? (Или что Q?)*, ср. *Он рад, что P, (а не что Q)*. Эта особенность объясняется отсутствием идеи выбора объекта при предикате знания, о которой говорит Ю.Д. Апресян.

текущее положение дел соотносится с некоторым интервалом значений. А при предельном понимании – текущее положение дел сравнивается не с интервалом, а с пределом, причем обязательно с верхним. Оказывается, что понятия предельной и интервальной интерпретаций релевантны и для анализа других типов предложений. Так, при сравнении предложений (2) *Этот кран может поднять десять тонн* (с ремой *десять тонн*, например при ответе на вопрос *Какова грузоподъемность крана?*) и (3) *Десять тонн этот кран поднять может с ремой может* оказывается, что в примере (2) представлена предельная интерпретация сочетания модального слова *может* с параметрическим выражением *десять тонн*, а в примере (3) – интервальная. Действительно, в примере (2) сообщается о том, какова максимальная нагрузка, которую может выдержать кран. Если бы кран мог поднять не только десять тонн, но и больше, то предложение (2) нарушало бы максимум количества, т.к. выдавало бы неполную информацию. На основании значения глагола *может*, который в данном случае значит, что десять тонн входят в шкалу весов, которые поднимает кран, и максимумы количества можно сделать вывод о том, что более десяти тонн крану не поднять. Значит, перед нами предельная интерпретация. А в примере (3) говорится только о том, что десять тонн – это особый вес для крана: не исключено, что кран может поднять и больше десяти тонн. Значит, в примере (3) с иной коммуникативной и, соответственно, с иной просодической структурой, чем в (2), представлено одно значение из некоего интервала, т.е. перед нами образец интервальной интерпретации. И еще один феномен русского языка может быть объяснен на основании введенной оппозиции "предел vs. интервал". Автор рассматривает конверсивные преобразования пар антонимичных прилагательных в сравнительной степени типа *выше-ниже, толще-тоньше*, которые, как известно, могут служить основой для синонимических преобразований: если самолет летел выше, чем вертолет, то, соответственно, вертолет летел ниже, чем самолет. Оказывается, что в контексте модальных предикатов со значением возможности возникающие интервальная и предельная интерпретации ведут себя по-разному. Так, в предложении (4) *Иван работает больше, чем мог бы* представлена интервальная интерпретация. Пусть рабочий день у Ивана восемь часов. Иначе говоря, Иван должен оставаться на рабочем месте не менее восьми часов. Между тем он каждый день задерживается на работе на пятнадцать минут. Он мог бы рабо-

тать на пятнадцать, четырнадцать, тринадцать и так далее минут меньше. В таком контексте замена на конверсив с соответствующими преобразованиями актантов сохраняет смысл: (5) *Иван мог бы работать меньше, чем работает*. В предложении же (6) *Иван работает больше, чем ему можно имеет место предельное понимание: врачи разрешают Ивану работать не более двух часов в день. Два часа и ни одной минутой больше: два часа – это предел. И в контексте предельной интерпретации замена на конверсив уже не служит смыслосохраняющим преобразованием. В предложении (6) *Иван работает больше, чем ему можно* замена на конверсив ведет к изменению смысла: (7) *Ивану можно работать меньше, чем он работает*. Действительно, предложение (6) значит, что Иван нарушает запрет, а предложение (7) сообщает о том, что Иван не пользуется разрешением меньше работать и больше отдыхать.*

Аналогично, в примере (8) *На гастрольях он за месяц зарабатывает больше, чем дома за год* без модального глагола конверсивное преобразование возможно: *Дома за год он зарабатывает меньше, чем за месяц на гастрольях*. А в предложении (9) *На гастрольях он за месяц мог бы заработать больше, чем дома за год* с модальным глаголом *мог бы* – нет, ср. пример (10), который не является конверсивом по отношению к (9): (10) *Дома за год он мог бы заработать меньше, чем за месяц на гастрольях*.

Итак, в статье вводится понятие предельной vs. интервальной интерпретации параметрических выражений в контексте модальных предикатов и демонстрируется, что это понятие "работает" при анализе большого круга языковых явлений, таких как: многозначность предложений, сохранение смысла при синонимических преобразованиях, возможность vs. невозможность построения отрицательных предположений, поведение отрицательно поляризованных лексических единиц и конструкций.

В плане дискуссии по статье отметим следующее. Автор никак не останавливается на том, что в рассмотренных примерах оппозиция "интервал vs. предел" сопровождается и различием в семантической интерпретации модального предиката. Так, при интерпретации (а) примера (1) в сочетании *может лететь* реализуется значение 'способен, т.е. может в соответствии со своими техническими возможностями', а при интерпретации (б) реализуется другое значение: 'ему не запрещено, т.е. может в пределах действия запрета спускаться ниже безопасного минимума'. Действительно, самолет в принципе способен спуститься и ниже разрешенной

минимальной высоты – технические возможности позволяют это – но это небезопасно, потому что тогда он может врезаться в дом. Далее, в примере (9) в глагольной форме *мог бы* реализуется значение не простой возможности, а благоприятной, поэтому замена *большие* на *меньше* при конверсии изменяет смысл предложения и приводит к нарушению максим быодной жизни: предложение (10) *Дома за год он мог бы заработать меньше, чем за месяц на гастролях* значит, что шанс заработать меньше мыслится говорящим как перспективный, что не соответствует прагматической норме. Следовательно, неадекватность связана со значением сочетания *мог бы* как ориентированного на благоприятное для субъекта течение дел. Этот нюанс определяет особенности поведения конструкций типа *мог бы заработать* vs. *заработал бы* при конверсивных преобразованиях. Ср. также: *'В городе он мог бы болеть чаще, чем в деревне; 'Дома он мог бы выздороветь позже, чем в санатории; 'В Турции он мог бы отдохнуть хуже, чем в Сочи.*

Статья Е.В. Падучевой о "Каузативный глагол и декаузатив в русском языке" – это еще один пример решения "трудной" проблемы русского языка³. Классические пары типа каузатив vs. декаузатив представлены глаголами *разбить-разбиться* и *открыть-открыться*. В предложении *Ваня разбил чашку* представлен каузативный глагол *разбить*, а в предложении *Чашка разбилась* – его декаузативный коррелят *разбиться*. Морфологический показатель в русском языке – частица *-ся*, которая, как известно, обслуживает не только декаузативацию, но также и рефлексивизацию (*Ваня моет Васю* – *Вася моется*), пассивизацию (*Турецкая фирма Сейфеттин строит здесь дом* – *Дом строится здесь турецкой фирмой Сейфеттин*) и другие процессы. Встает задача разграничить эти явления, тем более что именно явление декаузатива в отличие от других залоговых дериваций – пассива, рефлексива, реципрока, комитатива – еще не получило на русском материале окончательной интерпретации. Автор даже указывает на то, что и сам термин "декаузатив" не является общепринятым. Основная идея Е.В. Падучевой при анализе семантики декаузатива

состоит в том, что семантическая деривация в направлении каузатив → декаузатив проходит промежуточный этап, который называется деагентивацией. Так, для каузатива *открыть* (*Ваня открыл дверь*) деагентивация представлена предложением *Порыв ветра открыл дверь*, в котором подлежащее не лицо, а стихийная сила. На следующем этапе деривации происходит собственно декаузативация: *Дверь открылась*. На этапе деагентивации деятель (Ваня), действующий с определенной целью – открыть дверь, заменяется на случайное событие – порыв ветра. При деагентивации происходят следующие семантические процессы: меняется таксономическая категория субъекта (лицо → событие), его семантическая роль (Агенс → Каузатор), меняется таксономическая категория самого глагола (действие → происшествие) и меняется толкование ('субъект действовал с целью' → 'произошло событие'). Другой тип деагентивации связан не с заменой Агенса-лица на Каузатор-событие, а с переходом целенаправленного действия Агенса к происшествию с действующим субъектом. Так, Агенс, сознательно разбивающий яйцо в процессе приготовления обеда, при деагентивации заменяется субъектом, действующим с иными целями, но при этом нечаянно разбивающим яйцо, ср. *Маши разбила яйцо о край сковородки, чтобы приготовить яичницу* (каузатив, действие) – *По дороге из магазина Маши разбила яйцо и запачкала сумку* (каузатив, происшествие с действующим субъектом; ср. также глагол *запачкать*, относящийся к той же категории) – *Яйцо разбилось* (декаузатив, происшествие, ср. *Сумка запачкалась*).

На следующем этапе семантической деривации после деагентивации происходит собственно декаузативация. Обезличенный каузатор уходит на задний план: *Дверь открылась от порыва ветра*. На следующем шаге может произойти и опущение неспецифицированного – нерелевантного – каузатора: *Дверь открылась*.

Введение промежуточного этапа деривации – деагентивации – объясняет отсутствие декаузативов у многих глаголов: декаузатив отсутствует у тех глаголов, у которых невозможна деагентивация. Если замена целенаправленно действующего лица на событие, которое приводит к некоторым последствиям, быть может, случайным, невозможна, декаузатив отсутствует. Так, у глагола *отпереть* (ср. *открыть*) замена человека на событие невозможна (**Случайный порыв ветра отпер дверь*), т.е. к глаголу *отпереть* деагентивация неприменима. И декаузатив у *отпереть*, в отличие от *открыть*, тоже отсутствует, ср.: **От резкого порыва ветра дверь отперлась*.

³ Если статьи Е.В. Падучевой и И.М. Богуславского – это нелегкое чтение, потому что в них решаются трудные задачи, то, скажем, рецензия на "Позиционную морфологию русского языка" (сс. 270–277) трудна для восприятия, потому что в ней отсутствуют необходимые для адекватного понимания примеры.

Деагентивация невозможна у глаголов, обозначающих технологически сложные действия с концептуально проработанной схемой использования инструментов (ключей, отмычек, шифров *у отпереть*) или способов действия (*подчистить*). Деагентивация может рассматриваться и как независимый от декаузативации семантический процесс, причем весьма продуктивный в русском языке. Приведем пример деагентивации, которая не завершается декаузативацией: *Пряатель напомнил мне, что пора уходить – Бой часов напомнил мне, что пора уходить*.

Жанр рецензии заставляет нас остановиться на некоторых вопросах, которые возникают при чтении статьи. Эти вопросы касаются конкретных лексем и отнесения их к классам пассив – рефлексив – декаузатив. Переход от каузатива к декаузативу сопровождается, как показано в статье, переходом от целенаправленных действий агенса над пациенсом к происшествию с пациенсом (ср. с. 69). Поэтому если у каузатива пациенс одушевленный, декаузатив, как считает автор, как правило, не образуется, а соответствующий глагол на -ся понимается в рефлексивном смысле 'сам себя'. При неодушевленном же пациенте тот же глагол понимается в декаузативном смысле, ср.: *При перевозке картина поцарапалась* (декаузатив). При этом в предложении *я поцарапался* глагол *поцарапался* автор считает рефлексивом. Аналогично, *Выход книги задержался* – декаузатив, *Я задержался* – рефлексив (с. 69). Между тем, если вернуться к определению декаузатива, то окажется, что исходным пунктом декаузативации служат целенаправленные действия Агенса каузативного глагола. Однако целенаправленными действиями действия субъекта глагола *поцарапаться*, если субъект одушевленный, можно назвать далеко не всегда. Действительно, целенаправленно царапать самого себя – это маркированное семиотическое действие, которое служит выражением отчаяния в экстремальных и, иногда, ритуальных, т.е. весьма редких, случаях. Как кажется, *поцарапаться*, даже и при одушевленном подлежащем, нельзя назвать чистым рефлексивом. Выход видится в том, чтобы трактовать глагол *поцарапаться* при одушевленном подлежащем не как рефлексив, а как декаузатив, т.е. считать *поцарапаться* декаузативом независимым от одушевленности/неодушевленности подлежащего. Ср. рефлексивный глагол *моется* (= *моет себя*), при котором субъект действительно одновременно служит и Агенси и Пациентом действия.

Аналогичные рассуждения можно применить и к глаголу *задержаться*, который в контексте одушевленного подлежащего

тракуется автором как рефлексив, но который едва ли следует рассматривать как обозначающий действие, направленное на самого себя. *Я задержался* – не значит намеренно задержал самого себя, ср. *Рейс задержался из-за плохой погоды – Я задержался из-за плохой погоды*.

Возможно, дело здесь в терминах⁴, и следует дополнительно определить, какое значение должно приписываться рефлексиву.

Далее, возникают вопросы о трактовке таких глаголов, как *истрепаться*, *стоптаться*, *истереться*. К какому классу деривации они относятся? От того чтобы считать их декаузативами нас удерживает отсутствие у исходного глагола значения целенаправленного действия, ср. *стоптывать*, *истереть*, *стирать*. В этом смысле пара, скажем, *стоптать-стоптаться* отличается от пары *разрушить-разрушиться*, так как первые члены пар соответственно различаются по признаку "нецеленаправленное-целенаправленное действие". В итоге можно констатировать, что анализ декаузативов потребовал от автора разработки и применения метаязыка описания семантики глаголов и процессов семантической деривации. И в этом смысле статья Е.В. Падучевой представляется очень перспективной, т.к. разработанный понятийный аппарат, предусматривающий фиксацию всех типов категориальных сдвигов (от действия к происшествию, от Агенса к Каузатору, от лица к событию, от центра внимания к фону и периферии), безусловно, применим не только к анализу пар каузатив-декаузатив, а будет использован при анализе других семантических процессов и других классов слов.

В статье Л.Л. К а с а т к и н а "Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [ш:], [ж:] в русском литературном языке" обсуждается фонологический статус шипящих в русском языке, который всегда вызывал оживленные споры. Решаются вопросы: звук [ш:] в русских словах *щука*, *счастье*, *возчик* – это две фонемы или одна? и если две – то какие? Аналогичные вопросы возникают и относительно звука [ж:] в словоформах *вожжи*, *дождя*, *обожжешь*.

Решение поставленных вопросов сводится к следующему. [ш:] и [ж:] трактуются автором как две фонемы (или три – в словах *бороздчатый*, *оснастчик*) с последней фонемой [ч] и [ж] соответственно. Сочетания фонем с последней фонемой [ч], нейтрализо-

⁴ Другой терминологический вопрос, который возникает по ходу чтения статьи, касается нетрадиционного употребления термина "инхотативный" на с. 66.

ванные в [ш':], определяются при проверке в сигнификативно сильной позиции (*осна-стчик-оснастить*), ибо наличие отдельной фонемы в языке определяется по сигнифика-тивно сильной позиции. В морфемах, где чередование [ш':] с сочетаниями других со-гласных звуков отсутствует, например в сло-вах *щит, щель, пощада*, а также, когда на месте [ш':] в определенных позициях – на кон-це слова или рядом с согласным – в резуль-тате сокращения долготы произносится крат-кий [ш'] (*плащ, мощь*), предлагается видеть сочетание гиперфонемы /clɕ' ɪɪɪʃ' ɪʃɪʃ/, соот-ветствующей всем щелевым переднеязычным фонемам, кроме /л/ и /л'/, с фонемой /ч'/.

Таким образом, репрезентантом сочетания указанной гиперфонемы + фонема /ч'/ служит звук [ш':], а звук [ж':] – репрезентантом той же гиперфонемы + фонема /ж/. Мягкость [ж':] реализуется только в некоторых корнях и только в старшей норме: *возжи, дрожжи, визжитъ*. На стыке морфем произносится [ж:]: *разжевать, без жира, межжаберный*.

Различие в реализации одних и тех же сочетаний фонем автор объясняет тем, что в древнерусском языке все шипящие были мягкими, а затем щелевые и в некоторых говорах /ч/ начали постепенно отвердевать. Этот процесс шел неодинаково в разных позициях. В настоящее время мы наблюдаем остаточные явления этого процесса.

В статье предлагается не только новая фонологическая трактовка шипящих, но так-же излагается история вопроса и приводятся интересные наблюдения над современным русским литературным произношением.

Статья Л.П. К р ы с и н а "Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета". написана, как следует из заглавия, в жанре речевого портрета. Новизна подхода Л.П. Крысина состоит в том, что он анали-зирует не только традиционные для данного жанра собственно языковые характеристики социальной группы людей, но и в качестве отдельной – особенно важной характеристики – выделяет модели выбора языковых средств в зависимости от целей коммуника-ции. Выбор средств автор считает важнейшим показателем "групповых предпочтений и не-приятностей". Приведем примеры особенностей набора языковых единиц, используемых в ис-следуемом социальном слое. К о н с о н а н-т и з м. Некоторые представители гуманитар-ной интеллигенции – и только они – произ-носят так называемое [Ж'М'] полумягкое в словах типа *жюри*. В о к а л и з м. Опять же для произнесения некоторых слов иноязыч-ного происхождения характерно отсутствие редукции [o]: с[o]нет, к[o]рнет. Л е к с и к а, с л о в о у п о т р е б л е н и е. Автор отме-

чает такие "интеллигентские" слова, как *отнюдь, жаль* (вместо *жалко*). Не менее характерной чертой автор считает неупотреб-ление слов, которые интеллигент связывает с чиновничьей речью: *обговорить, конкрети-ка, определиться, задействовать*. Как весьма характерную черту в речи интеллигенции автор рассматривает жаргонизмы: *С этим делом у них глухо; Мы все были в таком напряге; У меня нет своей тусовки*. Особо автор останавливается на характерных чертах речевого поведения исследуемой социальной группы. Автор проницательно замечает, что важной чертой исследуемой социальной груп-пы является умение легко переключаться с одних разновидностей языка на другие. Интеллигенция способна к полиглоссии. И эта черта отличает ее от носителей просторечия, которые по преимуществу моноглоссны. Полиглоссия "обеспечивается механизмом кодо-вых переключений, который вырабатывается у человека в процессе его социализации в культурной речевой среде. Усвоение системы социальных ролей, свойственных данному обществу, идет в тесном взаимодействии с усвоением норм речевого поведения... А варьирование этих норм в значительной мере возможно лишь потому, что язык предо-ставляет говорящему различные способы вы-ражения одних и тех же коммуникативных интенций, одних и тех же смыслов" (с. 100).

Автор останавливается на анализе строго регламентированных способов установления контакта, в частности по телефону, а также при обращении к незнакомым лицам в мага-зине или на улице, ср. – *Скажите, пожа-луйста,...; Простите,...; Коллега!, но не Кондуктор! Водитель!* Автор замечает, что в речи интеллигенции велик удельный вес использования так называемых precedented текстов: использование имен известных лиц (Иван Сусанин), литературных героев (Плюш-кин), цитирование литературных произведе-ний и анекдотов и обыгрывание цитат (*пить или не пить*). Для речевого поведения интел-лигенции весьма характерна языковая игра, например сознательное нарушение норм, искажение цитат: *тюлунчики, ужасно, муроприятие; В этом деле он съел не одну собаку*.

Статья Г.А. З о л о т о в о й "Грамматика как наука о человеке" нацелена, скорее, на п о с т а н о в к у глобальных задач, чем на р е ш е н и е конкретных задач лингвистики. Г.А. Золотова говорит о важности воссоеди-нения близких лингвистике наук и разделов лингвистики, которые последнее время стремят-ся к автономному существованию. Это прагматика, теория речевых актов, когнито-логия, теория текста, теория коммуникации.

Автор пишет: "Каждая область плодила полезные и бесполезные термины. Но другим материалом, кроме языкового, эти науки не располагают, существовать они могут только на почве языка. А язык материально един. Рассматривая его с одной, пусть и необходимой точки зрения, мы недооцениваем другие, разрушаем единство языкового феномена. Создается одностороннее, обедненное представление о предмете" (с. 108). Г.А. Золотова замечает, что объединяющим началом могут стать понятие текста как цели и результата речевой деятельности и фигура человека, пользующегося языком. Следовательно, особую роль автор отводит функциональному подходу к языку, считая, что характеристики каждой языковой единицы определяются взаимообусловленностью ее формы, значения и функции. Другое направление пафоса статьи Г.А. Золотовой – это призыв пересмотреть некоторые традиционные взгляды русистики на структуру предложения. Автор показывает, что понятия неопределенно-личного, обобщенно-личного, безличного предложения, односоставного и двусоставного предложения противоречивы. Действительно, в примере из Тургенева *Вы выходите на крыльцо Вам холодно немножко...* предложение *Вы выходите на крыльцо* следовало бы признать двусоставным, где *вы* – состав подлежащего, а *выходите* – сказуемого. Между тем *вы* здесь обобщенно-личное, а обобщенно-личные предложения – это разновидность односоставных предложений. Далее, дательный субъекта в предложении *Вам холодно немножко*, с одной стороны, выражает высокую степень субъективности состояния, выраженного словом категории состояния (ср. также *Мне грустно*), но, с другой стороны, по правилам русской грамматики *Вам холодно* и *Мне грустно* принадлежат к категории безличных предложений, т.е. к тому же типу, что и очевидно безличные предложения *Светает* и *Прорвало плотину*. Автор предлагает некоторые альтернативные понятия, которые могли бы прийти на смену старым: эксклюзивность, т.е. исключенность говорящего из множества возможных субъектов действия (*Звонят*), инклюзивность, т.е. понятие 'я и другие' (*Идешь и думаешь*), инволютивность (*Мне подумалось*). Статья Г.А. Золотовой написана в научно-публицистическом жанре, трактует наиболее общие проблемы лингвистики и сопредельных областей, весьма полемична и обращена в будущее, в отличие от большинства других работ, публикуемых в сборнике, которые посвящены, по преимуществу, фиксации полученных авторами результатов. В порядке частного возражения автору заметим, что трактовка предложения

Вот бреду я вдоль большой дороги (Тютчев) как обозначающего ситуацию, имеющую место в момент речи (здесь и сейчас), представляется не вполне точной. Скорее, данное предложение – это воспоминание говорящего, который подает то, что было вчера, как происходящее перед глазами. На это указывает порядок слов *бреду я*. В предложении, произносимом в режиме реального времени, порядок слов был бы такой: *я бреду*. Ср. (разговор по телефону) *Я стою на платформе на станции Фили и жду тебя*. Это предложение произносится в ситуации "здесь-сейчас". А предложение *Стою я на платформе на станции Фили и жду тебя* с другим порядком слов – это воспоминание о том, что было когда-то, преподносимое в рамках стратегии "как будто здесь и сейчас". Ср. также *Я беру три яйца, добавляю молока и взбиваю вилкой* (объяснения ведущего телепередачи по кулинарии) – *Беру я три яйца, взбиваю их вилкой*. (рассказ о прошлом).

В статье Е.А. Земской "Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования" представлен анализ экстралингвистических факторов, непосредственно влияющих на строй языка. Новизна исследования – в комплексном подходе к установлению "корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранения/разрушения русского языка". На степень сохранности языка в иноязычном окружении влияют многие факторы: в первую очередь, это стремление сохранить русский язык. В этом смысле имеется большое отличие эмигрантов первой – послереволюционной – волны эмиграции от эмигрантов последней – четвертой, или экономической, – волны, начиная с конца 80-х годов. Представители первой волны эмиграции обычно берегут русский язык. Первая волна отличается хорошим владением одного и более иностранных языков, которые они знают с детства. Эти люди не допускают смешения языков, не строят макаронический дискурс, а используют иноязычные слова в номинативной функции, когда не знают подходящего русского слова для некоторой реалии. Чужой язык для них удобен и привычен, и они не подвергают его действию словообразовательных моделей русского языка. Тем самым они берегут не только русский, но и чужой язык. Эмигранты последних волн в большинстве своем до приезда в новую страну обитания совсем не знают или плохо знают язык страны эмиграции. Интересно, что у этих людей русский язык разрушается после 5–10 лет жизни вне метрополии. В особенности это касается тех, кто уехал из

России в детстве и не получил образования на русском языке. Эмигранты последней волны часто используют в русской речи лексику и фразеологию чужого языка без особой надобности. Они часто применяют новые слова и выражения для языковой игры в духе народной этимологии и построении каламбуров: *рехнуть такой, что рехнуться можно*. Многие представители последних волн эмиграции не заботятся о чистоте языка. Весьма часто в номинативных целях они создают не только производные существительные (*вельферщик, бистряк*), но и прилагательные (*трехбедрумый*) и глаголы (*драйвать*). Для эмигрантов всех волн характерна глубокая рефлексия по поводу языка – русского и нового языка страны обитания. Автор заключает, что во-первых, разнообразие во владении русским языком в эмиграции у отдельных представителей эмиграции весьма велико. "Язык диаспоры представляет собой континуум" (с. 128). И во-вторых, автор считает, что ответ на вопрос – Умирает ли язык русского зарубежья? – скорее, отрицательный. Автор выявляет факторы, способствующие сохранению русского языка: "причины и цель эмиграции (бегство на время/отъезд навсегда); общая образованность и знание других языков; интерес к России, ее культуре, истории, своим предкам, вызывающие желание сохранить русский язык; развитая языковая рефлексия; сила характера данного человека и тех его близких, которые являются носителями русского языка; профессия, требующая знания русского языка; тесная связь с православной церковью" (с. 128). Статья Е.А. Земской соединяет научный подход к проблеме существования русского языка в нерусском окружении с обсуждением гуманитарной проблемы бытия, устремлений мысли, души и духа человека в эмиграции.

Статья Е.Н. Ш и р я е в а "Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога" посвящена анализу спонтанной речи. Предмет анализа – записи живых диалогов. Одно из основных понятий, которыми оперирует автор, – апперцепционная база, или фоновые знания говорящих, их опыт. Обще-апперцепционная база объединяет всех или большинство носителей русского языка, а частично-апперцепционная база – микроколлектив (семью, коллег). В своей статье автор останавливается на трех основных вопросах. (1) Использование так называемых неформальных связей в диалогических репликах. Эти связи основаны на жизненном опыте говорящих, как широком (обще-апперцепционная база), так и частном (частно-апперцепционная база). (2) Использование косвенных речевых

актов. (3) Использование в диалоге особых постулатов общения, направленных на экспликацию мотивов. Так, если говорящий обращается к слушающему с просьбой сходить за хлебом, то он, как правило, мотивирует свою просьбу отсутствием продуктов, а если второй коммуникант отвечает отрицательно, то он обязательно мотивирует свой отказ, например вечерней лекцией, после которой все магазины будут уже закрыты. Приведем примеры неформальных связей: А. *Завтра на лыжах пойдем?* Б. *Говорили до двенадцати будет*. Реплика Б. – это фактически отказ, потому что в соответствии с обще-апперцепционной базой при двадцатиградусном морозе на лыжах не ходят. Другой пример. А. *Ко мне Миша придет на машине* Б. *Подрежь яблоню*. Частно-апперцепционная база: Миша любит ставить машину под яблоней, а яблоня разрослась так, что поставить машину на привычное место без подрезания веток невозможно. Использование косвенных речевых актов рассматривается в основном на примере вопросов *с как?, почему?, разве?, зачем?*, выражающим не собственно вопрос, а, скорее, неудовольствие говорящего: А. *Разве можно на ночь так много кофе пить?* Б. *Да ничего*.

Автор показывает, что для диалога весьма характерна экспликация постулатов речевого общения. Говорящий выдвигает резоны, которые ориентированы на слушающего и обосновывают уместность слов и действий. А второй коммуникант, в свою очередь, дает не просто утвердительные или отрицательные ответы, но еще и объясняет свое нежелание или, наоборот, готовность стремиться к решению поставленных задач или идти к цели: А. *Поедем сегодня на выставку погуляем! ты давно хотела!* Б. *Давай попозже только! не так жарко!* (когда будет не так жарко). Постулат А. *Ты давно хотела* призван показать, что предложение А. *Поедем сегодня на выставку* делается не просто так, в ответ на давним желанием Б. В порядке замечания отметим, что повтор в ответной реплике части вопроса может быть связан не только с перевоплощением конца вопроса в тему ответа (– *Куда поехал Вася?* – *Вася поехал в Калугу*) или с передразниванием (А. *Я не пойду завтра на лекции* – *это как?* А. *Не пойду и все*), но также и с особым типом вопроса-переспроса, который служит важным средством, с помощью которого второй коммуникант подтверждает факт установления контакта с первым или факт приема информации (А. *На Лосинку надо ездить за продуктами. Там все дешевле*. Б. *Там все дешевле? Это хорошо*).

В статье М.Л. Гаспарова и Т.В. Скулачевой "Глагольная рифма и синтаксис стихотворной статьи" устанавливается связь между ритмом и рифмой в стихотворной строке и синтаксической структурой соответствующего строке предложения. Метод – статистический анализ. Авторы анализируют синтаксическую структуру строки, завершающейся весьма частотной рифмой на -АЛ, которую называют приютом глаголов. Проблема рассматривается на материале "Евгения Онегина" и некоторых других произведений. Всего в "Евгении Онегине" 360 строк, кончающихся на -АЛ. 41 строка кончается на односложное слово (глаголы типа *дал* в – 46%, существительные в именительном единственного типа *бал* и существительные в родительном множественного типа *зал*). 137 строк кончаются на двусложные слова, среди них 118 глаголов типа *внимал*. 172 строки кончаются на трехсложные слова, среди них 151 глагол типа *воспевал*. 10 строк кончаются на четырехсложное слово, все – на глагол типа *подозревал*. Нетрудно показать, что синтаксическая структура строк с подобными рифмами статистически легко предсказуема. В строках с четырехсложным глаголом – это структуры подлежащее-сказуемое (*Где Рафаэль живописал*) или дополнение-сказуемое (*Сей Геллеспонт переплывал*). В строках с трехсложным глаголом – это структуры с двумя глаголами (*И откормил и обокрал*), деепричастие плюс глагол (*Не унывая, открывал*), подлежащее плюс глагол (*Булит могучий засверкал*), дополнение плюс глагол (*С негодованием отказал*). Дальнейший ход анализа легко восстанавливается по приведенным здесь примерам. Такова попытка авторов определить основные синтаксические структуры в стихах и их относительную частотность в стихотворных текстах.

Статья Д.О. Добровольского "К динамике узуса" тоже посвящена языку Пушкина. Автор сравнивает язык "Пиковой дамы" (ПД) с языком наших дней. Статья имеет подзаголовки: "Язык Пушкина и современное словоупотребление". Отмечая, что синтаксис Пушкина вполне "современен" – он меньше устарел, чем, скажем, синтаксис Грибоедова, – автор склоняется к мысли о том, что существенно изменились со времен Пушкина правила сочетаемости, модели управления, фокусировка определенных частей семантической структуры слова. Претерпели существенные изменения сочетания лексических функций с существительными (*полагать надежду* у Пушкина), таксономические категории актантов (*Как зовут этот мост?* – ПД, ср. также – *Не знаю, – отвечал Бурмин – не знаю, как зовут деревню, где я венчался*

(Метель)), управление (*Но графиня услышала весть, для нее новую, с большим равнодушием* (ПД), ср. современное *выслушала весть*; *На другой день она велела позвать мужа, надеясь, что домашнее наказание над ним подействовало* (ПД) (современное *на него подействовало*); *Тройка, семерка, туз – не выходили из его головы, шевелились на его губах* (ПД), ср. современное *у него из головы, у него на губах*). Относительно последнего примера автор высказывает интересное предположение, что семантическая категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности получила регулярное языковое выражение не во времена Пушкина, а в более позднее время.

Весьма интересные и проницательные замечания связаны с рубрикой, которую автор называет "странный глагол". Она связана с "несоблюдением действующих сегодня аспектуальных или акциональных ограничений..., но чаще речь идет об изменении лексико-сочетаемости конвенций:... *Приехав домой, она с п е ш и л а отослать заспанную девку*" (с. 174). На современном русском языке мы бы сказали *попешила отослать*. Другой пример расхождения с современным узусом: *Свечи вынесли, комната опять о с в е т и л а с ь одною лампадою* (ПД). Сейчас было бы сказано: *была теперь освещена* или *стала освещаться*. В заключение автор высказывает гипотезу о том, что рассмотренные модели, отличающие язык Пушкина от современного, иллюстрируют собой "слабые места", легко поддающиеся расшатыванию и в современном русском языке, ср., например нарушения моделей управления: *утверждать, что* vs. *ненормативное*, но часто встречающееся *утверждать о*. Диахронические фонетические изменения и изменения в значениях слов – это два традиционных направления исторического языкознания. Исторический синтаксис языков разных генетических и типологических групп также изучен достаточно глубоко. Между тем исторические изменения узуса, роль категорий в структуре текста – это сравнительно новая и перспективная область и можно заключить, что статья Д.О. Добровольского вносит существенный вклад в это направление.

Фактически к этому же направлению относится и работа П.В. Петрухина о роли видо-временных категорий в древнерусском языке, в частности, в сопоставлении с современным русским языком. Статья П.В. Петрухина называется "Syntaxis verbi: консеквативный имперфект в ранних восточнославянских летописях". Автор замечает, что в ходе исторического развития произошли

существенные изменения в области категорий вида и времени, а также произошло и некоторое перераспределение функций между этими категориями. Автор сосредоточивает внимание на употреблении форм имперфекта в древнерусских текстах раннего периода в сопоставлении с формами аориста. Материалом для анализа автору служат следующие тексты: Новгородская Первая летопись по Синодальному списку и Повесть временных лет по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам, а также некоторые другие тексты. Традиционно считается, что имперфект выражает некоторое второстепенное действие, на фоне которого разворачиваются основные события: *Я еще спал, когда неожиданно приехали гости*. Здесь *Я еще спал* соотносится с фоновым событием, а *приехали гости* входит в основной сюжет, т.е., как говорится, "продвигает повествование вперед". В русском языке имперфекту соответствует прошедшее время несовершенного вида. В древнерусском же языке видовые формы выражают по преимуществу противопоставления по способу глагольного действия: формы совершенного вида связаны с выражением большого разнообразия способов действия. А противопоставления по длительности/завершенности/целостности действия связаны, скорее, с противопоставлением имперфект vs. аорист. В современном языке картина иная, т.к. видо-временные глагольные формы различают не только способы действия, но и аспектуальные значения. Автор показывает, что, вопреки распространенному мнению, формы имперфекта далеко не всегда выражают фоновое событие. В текстах находится много примеров, когда формы имперфекта наряду с формами аориста продвигают повествование вперед. Такое употребление имперфекта – весьма частотное – автор называет консекутивным имперфектом: *А Древляне затворишася в градъ и боряхуся крѣпко изъ града* (Лавр., л. 16). В русском языке в подобных текстах была бы употреблена конструкция с глаголом совершенного вида *стать*: *А древляне затворились в городе и стали крепко бороться, сидя в городе*.

Кстати, на то же различие между современными русскими текстами и текстами более раннего периода указывают и Д.О. Добровольский. Так, предложение из "Пиковой дамы" *Свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою* в современном тексте имело бы вид: *Свечи вынесли, комната опять стала освещаться одною лампадою*. В целом, П.В. Петрухин показывает, что существуют определенные "прагматических стратегии, по Тимберлейку", которые регламентируют употребление видо-вре-

менных форм в зависимости от структуры сюжета и нарративных целей автора повествования.

Перейдем теперь к статье А. Тимберлейка "Redactions of the Primary Chronicle" ["Редакции Повести временных лет"]. Анализируя текст нескольких списков Повести временных лет и обращаясь к анализу Повести временных лет, проведенному другими авторами, прежде всего А.А. Шахматовым, автор приходит к выводу, что Повесть временных лет редактировалась двумя разными летописцами на протяжении 1089–1117. Автор замечает, что вставки в тексте отражают взгляды разных людей на одни и те же события. Первый, более ранний, историк, которому принадлежит создание Начального свода Повести временных лет, обладал бесхитростным взглядом на мир, Бога и людей. Он считал, что если мы страдаем, то это потому что Бог наказывает нас за наши неисчислимые грехи. Раньше мы были слепыми язычниками, но сейчас увидели свет, и там, где прежде совершались языческие жертвоприношения, теперь можно видеть золотоверхие каменные церкви. Позднейший летописец и редактор имел более изощренные взгляды. Он был не чужд диалектического подхода и умел уважать мнение других. Он подробно излагает позицию язычника, но только как позицию чуждого ему варварского сознания. В отличие от первого летописца, он не считает язычников своими предками: они дики, и их обычай непонятны ему. Он дистанцируется от них, весь проникнутый осознанием собственной принадлежности к единой христианской культуре. Язычники жили "не вѣдуще закона Божиа, но творяще сами собѣ закон... мы же х^стеане... законъ имамъ единъ". Таким образом, второй летописец как бы отвечает на вопросы и обвинения, которые могут возникнуть по отношению к Руси у византийского мира, и старается предвосхитить возможные недоумения со стороны общественного мнения. Автор находит различия у летописцев и в отношении к другим фактам истории. Анализ мировоззрения летописцев, а также анализ вставок и швов в текстах списков Повести временных лет и других летописей, в частности Новгородской Первой летописи, приводит автора к мысли о том, что существовало два летописца с присущим каждому складом ума и взглядами на мир. Автор заключает, что создание Повести временных лет можно рассматривать как многоплановый динамический процесс. Статья содержит интересную полемику с точкой зрения А.А. Шахматова, которую мы здесь не излагаем, потому что это потребовало бы слишком много места. В целом,

можно заключить, что А. Тимберлейк вносит коррективы в гипотезу А.А. Шахматова относительно количества редакций Повести временных лет и времени работы летописцев, которые одновременно были и редакторами более ранних версий Повести.

Испанский русист Э.Ф. Керо Хервиля в статье "Сопоставительное изучение неопределенных местоимений-прилагательных в русском и испанском языках в рамках референциального подхода" сосредоточивается на контрастивном анализе русских и испанских неопределенных местоимений. Автор выделяет русские местоимения – *какой-нибудь, какой-либо, кое-какой* – и устанавливает соответствия этих местоимений испанским неопределенным местоимениям и неопределенному артиклю. Автор показывает, что при установлении такого соответствия релевантны следующие признаки: референциальный статус (референтный/нереферентный, известный/неизвестный говорящему/слушающему/обоим), тип высказывания (утвердительные высказывания/высказывания со снятой утвердительностью) и другие признаки, такие как исчисляемость, положительное/отрицательное отношение говорящего к референту, ср. отрицательные коннотации, связанные с местоимениями *какой-то, какой-нибудь, какой-то*: *Я тебе не какой-нибудь...*

В целом можно заключить, что выход нового журнала – это большое событие

в судьбе лингвистики и в жизни лингвистов. Все высказанные здесь замечания следует рассматривать лишь как дань жанру рецензии. Они говорят только о том, что опубликованные в первом номере журнала статьи склоняют читателя к размышлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк Анна А. 1988 – О понятии имплицативного типа // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Зализняк Анна А. 1992 – Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Slavistische Beiträge. Bd. 298. München, 1992.
- Крейдлин Г.Е. 1983 – О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами // Семиотика и информатика. Вып. 21. М., 1983.
- Падучева Е.В. 1977 – Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Шатуновский И.Б. 1988 – Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.